

В. Р. Арсеньев

БАМБАРА: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

В последнее время в науке сложился метод комплексного исследования различных форм организации конкретных обществ. При этом этнические общности рассматриваются как динамические, исторически сложившиеся системы¹. Использование категории «целостность» для характеристики структуры объекта (этноса) в ее внутренних и внешних связях создает благоприятные предпосылки для выработки методики выделения конкретных этносов и для изучения различных исторических этапов в их развитии и взаимодействии. Такой подход позволяет также значительно расширить источниковедческую базу исследования.

Например, соотнесение отдельных элементов социальной организации с самой этой организацией, рассматриваемой как система в целом, позволяет «использовать в качестве исторического источника (наряду со сравнительными этнографическими материалами и на основании их) и сам объект исследования в его подразделениях»². В качестве одного из таких подразделений можно обратиться, в частности, к системе социально-родственных отношений, выраженной в терминах родства. С этих же позиций мы попытались, например, использовать систему клановых имен населения Западного Судана для воссоздания этнической и социальной истории региона³.

Взятые изолированно материалы этнонимики — «это только небольшая доля всей истории народа, носящего данное имя — скорее история имени, чем история его носителя»⁴. Но будучи соотнесены со структурой и историей обозначаемых ими общностей, они также становятся важным источником по проблемам этногенеза и другим вопросам этнической истории.

Примеров появления новой этнографической информации на основе сопоставления тех или иных элементов структуры объекта с объектом как целостностью можно привести множество. Все они свидетельствуют о существовании ранее не рассматривавшейся категории источников по этнической истории населения Западного Судана, отличной от привычных нам материалов. Последние обычно включают сообщения арабских и европейских путешественников, хроники, устную традицию местного населения, научные этнографические описания колониального и послеколониального периодов⁵. Новая же категория основывается и на источниках «классической» группы, но переосмысляет их, выделяя ранее

¹ Ю. В. Бромлей. Этнос и этнография. М., 1973, с. 31.

² Н. М. Гиренко. Традиционная социальная организация ньямвези (основные тенденции развития в доколониальный период). Автореф. канд. дис. Л., 1975, с. 9.

³ В. Р. Арсеньев. Общности по «клановому имени» («джаму») у населения верховьев Сенегала и Нигера. — «Этническая история Африки», М., 1977, с. 138—152.

⁴ А. И. Попов. Названия народов СССР (Введение в этнонимiku). Л., 1973, с. 6.

⁵ Подробнее см. сб: «Источниковедение африканской истории». М., 1977.

неизвестную информацию путем более активного использования общетеоретических взглядов на «общество» и «этнос».

В связи с этим заслуживает внимания предложение Н. М. Гиренко разграничивать категории «номинальный» и «реальный» этнос, понимая под «номинальным этносом» любую общность, обозначаемую в этнографических источниках и статистических материалах одним наименованием⁶. Это предложение вызвано тем, что некоторые из попавших в современную номенклатуру названий этнических групп никаких конкретных этносов не обозначают. Такого рода названия стали считаться этнонимами, а обозначаемые ими общности — этносами, в силу определенных исторических обстоятельств, которые в каждом конкретном случае требуют специального рассмотрения.

В дальнейшем речь пойдет о бамбара — западносуданском народе, проживающем в основном на территории Республики Мали в районе верхнего течения р. Нигер и ее притоков до средней дельты. В соответствии с указанным разграничением категорий «номинального» и «реального» этносов, мы впредь до выяснения вопроса о характере данного этноса будем считать бамбара этносом номинальным.

За почти столетие научного изучения населения Западного Судана образовалась обширная литература, посвященная номинальному этносу бамбара. В ней собраны и частично обобщены разнообразные материалы о языке, хозяйстве, материальной и духовной культуре, социальной организации этой общности. Исследования эти проводились как в синхронном, так и в диахронном (историческом) аспектах с привлечением сравнительных материалов по другим, соседним народам, выделенным в соответствии с принятыми этнографическими классификациями.

Прежде чем перейти к выяснению сущности номинального этноса бамбара, постараемся разобраться в истории закрепления его названия в научной литературе о народах Западного Судана.

Вопрос о возникновении этого названия и различной интерпретации его содержания уже не раз рассматривался в научной литературе. В частности, он был обстоятельно исследован в работах таких крупнейших специалистов по населению Западного Судана, как Морис Деляфосс⁷, Шарль Монтей⁸ и Луи Токсье⁹. По данным Л. Токсье¹⁰, впервые название «бамбара» встречается в связи с характеристикой населения Западного Судана в арабоязычных исторических хрониках XVI—XVII вв. — «Тарих эс-Судан» (далее — ТС) и «Тарих эл-Фетташ» (далее ТФ). В них «бамбара» называется неисламизованное население региона или его группа, внешняя по отношению к Сонгайской державе. Причем вслед за Л. Токсье надо признать, что, исходя из текста этих хроник, нельзя однозначно идентифицировать упоминаемых в них «бамбара» с современной этнографической общностью того же названия. Свои сомнения Л. Токсье относит только к тексту ТФ, предполагая, что в принципе «бамбара» ТС соответствует «бамбара» современных ему этнографических классификаций либо в целом, либо частично¹¹. Однако существенной разницы в употреблении слова «бамбара» в обеих хрониках нет. Это всегда «язычники», «неверные», и их страна — такого же названия, расположенная к западу от Дженне. Видимо, надо исходить из того, что страна «бамбара» ТС и страна «бамбара» ТФ идентичны. Ибо вряд ли в одной и той же культурно-исторической среде и приблизительно в одно и то же время два хрониста могли понимать

⁶ Н. М. Гиренко. Указ. раб., с. 4.

⁷ М. Delafosse. Haut-Sénégal — Niger (Soudan Français), t. I—III. Paris, 1912.

⁸ Ch. Monteil. Les Bambara du Ségou et du Kaarta. Paris, 1924.

⁹ L. Tauxier. L'histoire des Bambara. Paris, 1942.

¹⁰ Там же, с. 9, 27.

¹¹ Там же, с. 28.

под этим, вероятно достаточно широко распространенным, названием разные явления. Причем нет достаточных оснований, чтобы судить, подразумевают ли авторы под названием «бамбара» географическую область или какую-то форму социальной общности. В ТФ¹² приводятся примеры названий трех «племен», входивших в число «бамбара», два из которых нет оснований связывать с нынешними бамбара. Из этого следует, что упоминаемое в хронике население страны «бамбара» по крайней мере частично не соответствует этой категории¹³, и что страна «бамбара» была неоднородна в этническом отношении.

В связи с недавней публикацией первого франкоязычного свода арабских источников по народам Африки южнее Сахары, составленного и прокомментированного Ж. Кюоком, время первого упоминания о «бамбара» как о некой общности в Западном Судане, казалось, приходится отодвинуть к первой половине XII в. В приводимых в этом своде материалах арабского автора аз-Зухри встречается название народа «барбара», которое в комментарии Ж. Кюок сближает с «бамбара» современных этнографических классификаций¹⁴.

При всей заманчивости этого предположения принять его, вероятно, весьма трудно. Этноним «барбара», «барбар» довольно часто встречается в ранних арабских источниках, причем связывается с населением весьма разнообразных районов Африки. При этом, как правило, он не имеет конкретной этнической привязки, а в его употреблении можно установить общее семантическое поле для всех этих наименований: «варвары» (греч. βαρβαροι).

Арабоязычная мусульманская традиция, нашедшая свое отражение в письменной форме в упомянутых выше документах, послужила одним из истоков сложения у населения Западного Судана местной мусульманской традиции. Последняя стала одним из важных слоев культуры исламизованной части населения региона. При этом нередко она частично утрачивала непосредственные семантические связи с арабским языком, наполняя местные языки арабской по происхождению лексикой, которая воспринималась в новых условиях как органическая часть автохтонной лексики. Вероятно, это произошло и с этнонимом «бамбара».

Что касается европейских источников, то, по мнению Л. Токсье, первым европейцем, упомянувшим бамбара, был Ж. Б. Ляба. Во втором томе своей книги «Новое сообщение о Западной Африке» (1728 г.) Ляба говорит о бамбара в связи с описанием хасонке. Он называет их страну «королевством Бамбара» и помещает его между «королевством Томбу» (Томбукту) и «королевством Кассон» (Хассо)¹⁵.

Р. Мони, автор солидного источниковедческого труда по Западной Африке, считает, что первым из европейцев этноним «бамбара» употребляет португальский автор начала XVI в. Д. Пашеку Перейра в форме «habanbagansa»¹⁶.

Если принять точку зрения Р. Мони об идентичности терминов «habanbagansa» Пашеку Перейры и «бамбара», то необходимо констатировать весьма примечательный факт. При таком допущении информация европейцев о «бамбара» почти на целый век, а то и более опережает аналогичную информацию арабоязычных источников ТС и ТФ. Это утверждение могло бы казаться парадоксальным, учитывая случайный характер информации Пашеку Перейры о населении внутренних

¹² «Tarikh el-Fettach ou Chronique du chercheur...» (Traduction française accompagnée de notes d'index et d'une carte, par O. Houdas et M. Delafosse). Paris, 1913, p. 107.

¹³ L. Tauxier. Указ. раб., с. 28.

¹⁴ J. Suoq. Bilad es-Sudan. Paris, 1975, p. 120, 121.

¹⁵ L. Tauxier. Указ. раб., с. 28.

¹⁶ R. Mauny. Tableau géographique de l'Ouest africain au Moyen Age d'après les sources écrites, la tradition et l'archéologie.— «Mémoires de l'Institut Fondamental d'Afrique Noire», № 61, Dakar, 1961, p. 447.

районов. Однако если соотнести habanbagansa, упомянутых Перейрой, с местной мусульманской традицией, раскрывавшей термином «бамбара» понятие «немусульмане, язычники, варвары и т. д.», то становится яснее, о каких «бамбара» в начале XVI в. мог говорить этот португальский автор.

Независимо от того, прав Л. Токсье или Р. Мони, надо отметить, что окончательно этот термин, вначале как название страны, затем как название ее жителей — этноним, утверждается в европейской традиции восприятия населения Западного Судана и переходит в научную традицию во второй половине XVIII — первой половине XIX в. Это происходит благодаря путешествиям европейцев предколониальной эпохи — М. Парка, Дж. Грея и Р. Дочарда, А. Раффенеля.

Именно у М. Парка (и то лишь к концу второй трети записок, относящихся к первому путешествию) «бамбара» начинает впервые встречаться и как название жителей, но по контексту это всегда «житель страны Бамбара». Парк первым же говорит об особом языке бамбара, который, по его мнению, является испорченным языком мандинго. Парк утверждает, что это язык всего населения Бамбара¹⁷.

Интересно отметить еще один момент в сообщениях исследователей Западного Судана — предшественников Раффенеля. Они со всей определенностью относят название страны и этноним «бамбара» только к политическому образованию с центром в Сегу¹⁸. Традиция переноса этого названия и на Каарта у европейских авторов возникла позже. Ляба вообще не говорит о Каарта, так как в его время этого образования еще не существовало. О Каарта и «каартанцах» как некой антитезе «бамбара» говорят и Парк, и Грей, и их комментаторы. Причем эту антитезу в согласии с текстом самих авторов можно толковать и как политическую, и как этническую.

Видимо, Раффенель — первый, кто использует термин «бамбара» применительно и к жителям Сегу, и к жителям Каарта. При этом, вероятно, он опирается, в частности, на исторические сведения, согласно которым Каарта была отторгнута от «княжества» Хассо бамбара — выходцами из Сегу¹⁹. Раффенель также первым пришел к выводу, что этнос бамбара является составной частью номинального (как мы его теперь назовем) этноса малинке (в современных категориях — манде — А. В.)²⁰.

Он пришел к заключению, что страны Бамбара не существует, что «территория, которую она охватывает ...включает часть Каарта, Джангунте и часть Сегу...»²¹. Трудно сказать, какой смысл вкладывал Раффенель в это высказывание. Скорее всего то, что ареал номинального этноса бамбара охватывал отдельные участки трех различных политических образований и не представлял единства по политическому или постетарному признакам.

Из сообщений Раффенеля наиболее существенно для нас его указание на самоназвание общности, именуемой обычно «бамбара» — «bama-naos», в единственном числе — «bama»²². Причем именно это само-

¹⁷ M. Park. Voyage dans l'intérieur de l'Afrique, t. 2. Hambourg, 1800, p. 24.

¹⁸ Согласно признанным историческим фактам, после падения в конце XVI в. сонгайской державы в Западном Судане сохранялась крайняя политическая раздробленность до середины XVII в., когда происходит политическое, военное и торговое возвышение города Сегу и подвластных ему поселений. Сегу активно расширяет свои владения вплоть до начала XIX в., пока не терпит поражения от войск Эль-Хадж Омара Тая. В XVIII в. от Сегу отделяется северо-западный район — Каарта, который начинает политически независимое по отношению к Сегу существование.

¹⁹ A. Raffenet. Voyage dans l'Afrique occidentale. Paris, 1846, p. 298.

²⁰ A. Raffenet. Nouveau voyage dans le pays des nègres, t. 2. Paris, 1856, p. 357, 360.

²¹ Там же, с. 357.

²² Там же, т. 1, с. 363; т. 2, с. 357.

название он считает подлинным названием рассматриваемой общности²³.

Принципиальная важность предложения А. Раффенеля ввести в практику изучения номинального этноса бамбара его самоназвание заключается в том, что оно показало неидентичность восприятия этнической ситуации внешними наблюдателями (арабами, европейцами) и автохтонами и создало объективные предпосылки для выработки на основе сопоставления обоих более точного представления об этнической ситуации в регионе. В связи с этим, видимо, уместно привести высказывание Д. А. Ольдерогге, что общее самоназвание принадлежит к наиболее существенным признакам этноса²⁴.

Раффенель первым привел сведения о «происхождении» номинального этноса бамбара из области Торон и этапах его расселения в районе верхнего течения Нигера. Приводимая им легенда используется Ш. Монтеем²⁵ и другими авторами²⁶.

Наконец, видимо от А. Раффенеля, начинается утвердившаяся в науке традиция приравнивания этнонимов «бамбара» и «бамана» и соответственно номинальных этносов бамбара и бамана.

Итак, как видно из сказанного выше, до середины XIX в. слово «бамбара» не обозначало какой бы то ни было определенный реальный этнос. Само отождествление «бамбара» и «бамана» в качестве этнонимов привело к некоторой путанице в научной традиции изучения населения Западного Судана и, в частности, населения верховьев Сенегала и Нигера. Научная традиция сузила содержание термина «бамбара» до значения этнонима, обозначающего номинальный этнос того же названия, в то время как мусульманская традиция населения региона сохранила весьма широкое его значение как «язычники». Это противоречие подчеркивается практически всеми исследователями населения региона²⁷. Оно побуждает, в частности, М. Деляфосса вообще отказаться от употребления этнонима «бамбара» в пользу «бамана»²⁸.

Однако мы не видим необходимости менять устойчивую научную традицию обозначения словом «бамбара» конкретной этнической общности Западного Судана (номинальный этнос бамбара). Этот этноним можно сохранить, помня, тем не менее, перипетии его судьбы.

В дальнейшем будем считать, что история этого слова в качестве этнонима (точнее — как научного термина, выполняющего функцию последнего) начинается с отождествления внешнего этнонима «бамбара» с самоназванием определенной группы населения Западного Судана — этнонимом «бамана».

Следует оговорить, что особенностью словообразования в языке, характерном для представителей номинального этноса бамбара и носящем то же название, допускается огромное количество вариантов этимологии термина бамана²⁹. Это вызвано, в частности, широким распространением однословных лексем с собственной и нередко разноплановой семантикой. В соответствии с языковыми нормами такие лексемы могут соединяться без дополнительного внешнего оформления с образованием новых слов с собственной семантикой. Причем такие новообразованные слова представляют собой как бы цепи, состоящие из двух и более лексем. Что касается этнонима «бамана», то можно привести не менее

²³ Там же.

²⁴ Д. А. Ольдерогге. О некоторых этнолингвистических проблемах Африки. — Вопросы социальной лингвистики, Л., 1969, с. 140.

²⁵ Ch. Monteil. Указ. раб., с. 11.

²⁶ М. Delafosse. Указ. раб., т. 1, с. 283; V. Pâques. Les Bambara. Paris. 1954, с. 45, 46.

²⁷ М. Delafosse. Указ. раб., т. 1, с. 126; Ch. Monteil. Указ. раб., с. 9 и др.

²⁸ Там же.

²⁹ При этом характерно, что термин «бамбара» лексически чужд языку бамбара (бамана) и этимологизации в рамках этого языка не поддается.

десятка разнообразных этимологий этого слова, от правдоподобных до совершенно абсурдных.

Одна из самых широко распространенных этимологий этого слова, восходящая, по мнению В. Пак, к Базену³⁰ и поддерживаемая Л. Токсье³¹, может быть названа «тотемистической». Она истолковывает слово «бамана» как состоящее из элементов «бама» («крокодил») + «на» (локативный формант) — «люди крокодила», «люди на крокодиле». Ш. Монтей возводит слово «бамана» к древнему корню «ба», обозначающему в языках, предках нынешнего языка фульбе, «черный»³². М. Деляфосс, ссылаясь, в частности, на восприятие слова «бамана» самими представителями этого номинального этноса, толкует его как «бан-ма-на» (бан — «отказ», ма — «хозяин», на — формант места) — «отказ хозяину», «люди, отказавшиеся от своего хозяина», и т. д.³³.

В свете известных ныне исторических и этнографических данных, на наш взгляд, как ложная этимология должна восприниматься версия Л. Токсье и Базена, так как крокодил не является универсальным тотемом номинального этноса бамбара (бамана). Версию Л. Деляфосса можно, видимо, охарактеризовать так же, поскольку она по существу является попыткой экстраполировать на языковой материал гипотетические построения по поводу происхождения номинального этноса бамбара, основанные на материалах устной традиции и довольно произвольно (хотя формально допустимо) обращающиеся с нормами языка бамбара. Версия же Ш. Монтея вызывает возражения как раз по корректности логических переходов в самой этимологизации этого слова. К тому же она предполагает значительно более давнее существование этой этнической группы, чем то, какое подтверждается историческими фактами, так как если восстанавливаемый им древний корень «ба» — «черный» и существовал когда-либо, то в доступной по времени наблюдения лексике бамбара он с таким значением не встречается.

Мы предлагаем еще одну попытку выяснения происхождения термина «бамана». В принципе она вполне согласуется с нормами языка бамбара. Кроме того, она кажется нам правдоподобной и с исторической точки зрения.

Если рассматривать морфему *на* как суффикс, образующий имя деятеля от переходных глаголов, а *бама* — как глагольную основу со значением «поддерживать, консолидировать, укреплять и т. д.»³⁴, то общее значение слова будет «те, кто является основой», «объединители» и т. д.

Чтобы подтвердить правомерность такой версии, обратимся к формальному способу образования этнонимов, при помощи которых бамбара различают себя и своих соседей. Можно выявить три различных типа этнонимов для обозначения соседей, которые относятся к номинальным этносам, говорящим на языках группы манде.

Тип I: манинка	Тип II: бамана	Тип III: кагоро
сонинка	джула	сомоно
марака		бозо
хасонка		само
васулунка		
джалонка		
фуланка		

Этнонимы I типа образованы при помощи форманта *-ка*, который является суффиксом, образующим название жителей от названия места

³⁰ V. Pâques. Указ. раб., с. 1.

³¹ L. Tauxier. La religion bambara. Paris, 1927, p. XVIII.

³² Ch. Monteil. Указ. раб., с. 8; V. Pâques. Указ. раб., с. 1.

³³ M. Delafosse. La langue mandingue et ses dialectes, v. 2. Paris, 1955, p. 28, 29.

³⁴ Там же, т. 1, с. 126.

их обитания. Тип II представлен этнонимами, образованными при помощи форманта *-ла (-на)*, который, как уже говорилось, образует имя деятеля от переходных глаголов. Тип III вряд ли имеет единую словообразующую модель. Формальным признаком для его выделения служит отношение входящих в него этнонимов к языковой группе манде, а также окончание словоформы на фонему «о».

Из приведенного примера с очевидностью следует, что по способу образования этноним «бамана» занимает совершенно особое место. Характерно, что он попадает в одну группу с этнонимом «джула» («диула»), который, как считается, обозначает не этническую, а социальную группу странствующих торговцев, говорящих на языках группы манде и относящихся к различным мандеязычным номинальным этносам. Это говорит о том, что и термин «бамана», вероятнее всего, в своем первоначальном значении относился к ряду не этнических, а социальных категорий. Это предположение подтверждает нашу версию интерпретации наименования «бамана» как указания на часть от целого; социальная группа, объединяющая (консолидирующая) общество. Вероятно, такой социальной группой могли быть только представители родственных в этническом отношении общностей, связанные единством принадлежности к вооруженным отрядам воинов. Это предположение основывается, в частности, на том, что из истории «империи» Сегу известно, что именно военная организация бамбара являлась основой потестарного, а затем и политического господства правителей Сегу, которые в свою очередь сами принадлежали к той же общности бамбара и с этой военной организацией были тесно связаны. Со временем термин мог перейти и на сами родственные этнические группы населения, чему способствовал бы и неоднородный в этническом отношении состав того общественного единства, каким была «империя» Сегу.

Обратимся теперь к характеристике общности, обозначаемой этнонимом «бамбара» («бамана») — номинальному этносу бамбара, такому, каким он предстал перед исследователями в период научного изучения населения Западного Судана, т. е. с середины XIX в. до наших дней. Рассмотрим этот номинальный этнос в нескольких аспектах, выступающих как признаки этнической общности.

Прежде всего повторим, что с этнонимом «бамбара» («бамана») как исследователи, так и жители Западного Судана связывают определенную группу населения этого региона. Для представителей этой группы характерно использование языка, в целом единого для всей общности. Однако внутри данной общности язык этот отличается большим числом региональных вариантов, а вне ее чрезвычайно близок языкам ряда других номинальных этносов, рассматриваемых как самостоятельные, например малинке, хасонке и др. При этом региональные языковые различия внутри данной общности могут быть более существенными, чем вне ее. Кроме того, язык бамбара нередко служит представителям других номинальных этносов (часть сонинке, фульбе и др.) в качестве родного или же как язык-посредник. Видимо, ареал этого языка в большей степени определяется границами политических общностей бамбара, т. е. Сегу и Каарты, нежели языковым типологическим единством. Действительно, население региона разнится между языками, например бамбара и малинке, воспринимает как региональную, и представители обеих языковых общностей считают свои языки тождественными. Это неоднократно подтверждалось нашими собственными наблюдениями в Республике Мали в 1971—1974 гг. Помимо того, что язык бамбара обладает, по мнению исследователей, специфическими свойствами, он включается ими в общность типологически близких языков, именуемую в научной литературе манде. Однако, Ш. Монтей, например, пишет, что представление о «манде» как группе местных народов или языков

неизвестно «суданцам», что в этом значении слово употребляют исключительно европейцы³⁵.

В хозяйственном отношении представителей номинального этноса бамбара можно охарактеризовать как оседлых земледельцев. Однако ни хозяйственная специализация, ни сами методы ведения земледелия, ни орудия труда и быта бамбара по существу не обладают специфическими особенностями, которые отличали бы этот номинальный этнос от других номинальных этносов региона, живущих в сходных экологических условиях. При этом нередко бамбара, живущие в одних экологических условиях с представителями других номинальных этносов, ближе к последним по хозяйственной деятельности и связанной с ней материальной культуре, чем к бамбара из других экологических зон. Хозяйственная деятельность и связанная с ней материальная культура бамбара (бамана), как и других оседлых земледельцев, существенно отличаются лишь от материальной культуры кочевников-скотоводов фульбе. Равным образом у представителей номинального этноса бамбара отсутствует единство хозяйственной жизни, противопоставленное хозяйственным единствам других номинальных этносов и обуславливающее единство материальной культуры в сфере производства и быта. Подобное единство образуется, как правило, на ограниченных территориях со сходными экологическими условиями. В такого рода общности обычно наряду с бамбара входят представители других номинальных этносов. Иными словами, для всех бамбара не характерно органическое единство хозяйственной жизни.

О духовной культуре бамбара, тесно связанной с хозяйственной деятельностью, языком, социальными отношениями и их историей, также можно говорить лишь как о типологическом, но не органическом единстве. Например, многие идеологические представления бамбара, такие, как мифы о сотворении мира, близки или даже тождественны представлениям догонов³⁶. С охотой и земледелием у бамбара связана производственная магия, практика которой по существу идентична в пределах сходных экологических зон и у других номинальных этносов (малинке, хасонке, сонинке, сенуфо, миньянка, бобо и др.). При этом этот слой духовной культуры по существу не испытал воздействия исламизации и характерен как для исламизированных, так и неисламизированных групп населения региона. Конфессиональная принадлежность также не представляет специфическую особенность номинального этноса бамбара и не может как таковая служить критерием его выделения. Фольклорная, в частности музыкальная, традиция, с одной стороны, имеет региональные особенности в пределах номинального этноса бамбара, с другой — она в этих региональных вариантах очень близка или идентична традиции соседних номинальных этносов, говорящих на родственных языках (малинке, хасонке, сонинке, васулунке и т. д.). Отдельные песенные и другие фольклорные сюжеты характерны в неизменной форме для всех этих номинальных этносов, включая бамбара. То же можно сказать и об отдельных связанных с культовой практикой социальных группировках, каковыми являются так называемые «тайные общества». Область их распространения лежит в значительной мере вне зоны исламизации, на которую влияли не этнические, а политические или потестарные факторы. Эти группировки у номинальных этносов, говорящих на родственных языках манде, едины типологически. Сфера деятельности каждой конкретной группировки такого рода ограничивается локальным уровнем по принципу одинаковой этнической принадлежности, но не охватывает весь этнос в целом.

К области духовной культуры необходимо отнести также этногенетические предания и связанную с ними этнонимнику как собственную,

³⁵ Ch. Monteil. Указ. раб., с. 14.

³⁶ G. Dieterlen. The Mande creation myth.— «Africa», v. XXVII, № 2, 1957, p. 125.

так и родственных и соседних народов, бытующие у номинального этноса бамбара. Такие генетические традиции, характерные для номинальных этносов с родственными языками манде, не противоречат друг другу в принципе, и многие из них возводят происхождение этих этносов непосредственно к единому географическому центру — Манде (Манин), ядру Древнего Мали, или же каким-то иным образом связывают их с Манде. Как уже сказано выше, среди «классических источников» информации невозможно найти материалы для опровержения или для подтверждения этих сведений. Однако исследование особенностей социальной организации этих номинальных этносов в сопоставлении с особенностями проявления у них этнических свойств может открыть путь к критической оценке этногенетических преданий.

Что касается самоназвания «бамана», характерного для представителей номинального этноса бамбара, то оно, будучи широко распространено в пределах этой общности, тем не менее самим населением не применяется, как правило, к представителям отдельных социальных групп (кузнецы, гриоты, рабы), которые вообще как бы лишаются этнической характеристики, или же их этническая принадлежность воспринимается через их принадлежность профессиональную или социальную (например, кузнецы).

Таким образом, совершенно очевидно, что и по признаку духовной культуры, и по самовосприятию номинальный этнос бамбара не представляет дискретного единства, противопоставленного другим номинальным этносам региона.

Мы рассмотрели в общих чертах основные этнические признаки, исследуемые этнографической наукой, применительно к номинальному этносу бамбара. Ни один из них, взятый изолированно, не позволяет выделить бамбара как соответствующее этому признаку этническое единство в населении Западного Судана. Однако об объективной реальности этой этнической общности можно говорить, если рассматривать ее в единстве свойств материальной, духовной культуры и языка, «отличающем эту общность в этом качестве от любой другой человеческой общности», как это предлагает Н. М. Гиренко³⁷.

В этой связи, видимо, совершенно необходимо рассмотреть все аспекты присущей бамбара общественной организации и, в частности, такие, как социальный и политический (или стадияльно предшествовавший ему). Очевидно, что такая задача непомерно велика для настоящей статьи, и поэтому здесь реально остановиться лишь на наиболее общих моментах, требующих дальнейшей разработки.

В частности, видимо, целесообразно обратить еще раз внимание на систему так называемых «клановых имен» («джаму» — яз. бамбара) населения Западного Судана. Она образует важный источник информации по этнической и социальной истории этого населения, а также выступает как один из критериев при определении этнической принадлежности носителей этих имен³⁸. Система «клановых имен» указывает на особый срез общественной организации, основной единицей которого являются общности по «клановому имени» — общности по «джаму». Вероятно, эти общности по джаму представляют собой общественные формы, связанные генетически с родовой организацией. Каждая такая общность выступает как дискретное единство в пределах определенной эпигамной, т. е. связанной обязательными брачными отношениями,

³⁷ Н. М. Гиренко. Указ. раб., с. 4.

³⁸ Подобные материалы были собраны автором настоящей статьи в Республике Мали и частично уже обработаны. См.: В. Р. Арсеньев. О содержании этнонима «бамбара». — «Краткое содержание докладов годичной научной сессии Ленинградского отделения Ин-та этнографии АН СССР за 1976 г.», Л., 1976; *его же*. Общности по «клановому имени» («джаму») у населения верховьев Сенегала и Нигера.

общности. Существует также несомненная корреляция между принадлежностью жителей региона к той или иной общности по джаму и их этнической принадлежностью. Кроме того, каждому из большинства номинальных этносов современной этнографической классификации соответствуют вполне определенные общности по джаму, не встречающиеся, как правило, у других номинальных этносов.

В связи с этим представляется необходимым еще раз вернуться к основным этническим признакам в связи с такой категорией, как номинальный этнос бамбара. Если по языковому признаку относительно легко выделить бамбара среди немандеязычных групп населения, то среди мандеязычных это весьма сложно. Да и по остальным этническим признакам и в качественном единстве этих признаков дискретность бамбара как этнической общности среди мандеязычного населения региона проследить нелегко, в особенности в отношении номинального этноса малинке (манинка). Возможно, вопрос о соотношении бамбара и малинке — как номинальных, так и реальных этносов — является одним из кардинальных в выделении бамбара в населении Западного Судана.

Данные, относящиеся к общностям по джаму, характерным для бамбара и малинке, свидетельствуют о существовании двух относительно замкнутых непересекающихся групп таких общностей³⁹. Каждая из этих групп образует эпигамную общность. Представители разных общностей по джаму, входящих в нее, связаны между собой отношениями шуточного родства. Первая такая эпигамная общность, состоящая из представителей общностей по джаму Кейта, Кулибали, Конате и др., с точки зрения современных этнографических классификаций, относится по преимуществу к номинальному этносу малинке; вторая, состоящая из Траоре, Джара, Коне и др., — к номинальному этносу бамбара. Однако надо отметить, что указанная черта социальной организации бамбара и малинке не может выступать как признак этнической принадлежности изолированно, вне связи с другими признаками, так как каждая из упомянутых эпигамных общностей наряду с бамбара и малинке включала представителей общности по джаму, относимых к другим этносам.

Установив существование двух относительно замкнутых эпигамных общностей, характерных для бамбара и малинке как номинальных этносов, обратимся к отдельным фактам политической истории и истории потестарных и политических объединений населения Западного Судана, связываемых с этими образованиями.

Известно, что на первых этапах своего существования древнее Мали состояло из небольшой области Манин, правителями которой являлись представители общности по джаму Кейта, именуемой обычно в литературе кланом Кейта. Согласно устной традиции о Сундиате⁴⁰, легендарном основателе древнего Мали, по соседству с Манин находилась другая область, известная под названием До (или «До ни Кри»). Этой областью правили представители общности по джаму Конде (Джара). То есть перед нами две потестарные общности. Во главе одной из них, Манин, находились представители эпигамной общности, определяемой в нынешних этнографических категориях как номинальный этнос малинке, а во главе второй (До) — представители эпигамной общности, обозначаемой в тех же категориях как бамбара. Совершенно очевидно, что с образованием «империи Сундиаты» (как нередко именуется в литературе древнее Мали периода формирования) область и соответственно потестарная общность До вошла в состав древнего Мали, т. е. присоединилась к Манин. Однако, даже если следовать версии легенды, объединение в рамках единого потестарного образования Манин с До про-

³⁹ В. Р. Арсеньев. Общности по «клановому имени»..., с. 144.

⁴⁰ D. T. Niane. Soundjata ou l'épopée mandingue. Paris, 1960.

изошло еще до рождения Сундиаты — будущего создателя Малийской империи. Оно было, видимо, оформлено путем брака Наре Магана Кейта, правителя Манин, с Соголон Кедью Конде, сестрой правителя «страны» До. Кейта и Конде относятся к разным эпигамным общностям. Вероятно, именно поэтому брак Наре Магана и Соголон был сопряжен с большими трудностями, в том числе магического и ритуального характера⁴¹. Наверное, тем же, что к моменту рождения Сундиаты Манин и До составляли уже единую потестарную общность, объясняется и то, что Соголон с Сундиатой бежали в поисках прибежища от гонений другого сына Наре Магана Данкаран Тумана и его матери Сасумы Берете куда угодно, только не в До — родину Соголон. Характерно также, что после рождения Сундиаты и захвата им власти в Манин Конде вступили в отношения предпочтительного брака не со всеми Кейта, а только с представителями правящей группы этой общности, что объяснялось политической важностью таких связей⁴². Строго говоря, если по нормам традиционного права после смерти Наре Магана власть в Манин принадлежала Данкаран Туману, то на одновременное правление и в Манин, и в До мог претендовать только Сундиата.

Что касается географической определенности двух указанных эпигамных общностей эпохи Сундиаты, то о ней с уверенностью судить трудно. По ряду упомянутых в легенде признаков представители обеих общностей жили на одной и той же территории. Однако по отношению к эпигамной общности, объединявшей Кейта, Кулибали, Конате и др., представители эпигамной общности, включавшей Траоре, Джара, Коне и др., населяли преимущественно северные, северо-восточные и восточные районы древнего Мали. Во всяком случае, по отношению к Манин До занимает именно такое положение⁴³. Северная и северо-восточная экспансия древнего Мали вниз по течению Нигера и в прилегающую зону саванны осуществлялась в основном, видимо, представителями именно этой, второй эпигамной общности. И не случайно, вероятно, подавляющее большинство жителей Беледугу и Сегу — Джара, Траоре, Коне и др.

Мы практически не располагаем материалами, чтобы судить о наличии этнического различия между двумя эпигамными общностями периода древнего Мали. В тексте легенды в качестве этнонимов фигурируют и «клановые имена», и профессиональные группы (например, кузнецы), и названия потестарных или политических общностей. В свете современной информации об общностях по джаму мы можем назвать эти этнонимы фиктивными этнонимами. Однако это не значит, что в эпоху древнего Мали все они были таковыми. Тем не менее характерно, что среди этнонимов легенды не встречается «бамана» или «бамбара». Эта категория ни рассказчиком, ни собирателем не соотносится с древним Мали. Этноним «манинка», встречающийся в тексте⁴⁴, обозначает не этническое единство, а общность потестарной или политической организации для жителей Манин. В таком смысле и это — фиктивный этноним. Однако по признаку единства потестарной или политической организации он мог бы быть распространен на все население древнего Мали, как и произошло с термином «мандинги». У населения древнего Мали этноним «мандинги» обозначал не в узком смысле «жителей Манин», а широко — мандеязычное население потестарной, а затем и политической общности древнего Мали. Именно в таком значении с этим этнонимом познакомились первые европейские путешественники XV—XVI вв.

⁴¹ Там же, с. 17—35.

⁴² Там же, с. 141.

⁴³ Д. Т. Ниань идентифицирует страну До с Сегу как исторической областью (там же, с. 21).

⁴⁴ Там же, с. 140.

на Западном побережье Африки, а от них он попал в научную традицию изучения населения Западного Судана.

С распадом Мали и перемещением в XVI в. политического и экономического центра Западного Судана в район Сонгайской державы в пределах бывшего древнего Мали особое значение приобретают ранее периферийные восточные и северо-восточные области, лежащие вниз по течению Нигера. К середине XVII в. здесь складывается центр новой политической общности — Сегу. Население этой общности имело сложный этнический состав. Значительное большинство жителей Сегу, а также, вероятно, основной контингент вооруженных отрядов составляли представители земледельческих мандеязычных групп, входивших в основном во вторую эпигамную общность. Военное превосходство этих групп в период сложения политического центра в Сегу объясняется не только численным превосходством. Видимо, здесь имели значение и хозяйственная специализация этих северо-восточных мандеязычных групп, и их роль в экономике района, и уровень общественных отношений, характеризующийся относительно большей развитостью социального расслоения по сравнению с первыми поселениями района Сегу, занимавшимися рыболовством. Возможно, как уже писалось выше, эти отряды воинов и были названы «бамана» — «укрепляющие, объединяющие». Впрочем, в этом смысле толкование происхождения формального этнонима «бамана» близко позиции аббата Анри (если ее воспринимать не только в конфессиональном, но и в социальном плане): «бамбара» происходит от «бамба» или «бама» — «восставший, отказавшийся, отступник»⁴⁵. Со временем значение термина, как уже говорилось, могло расширяться и перейти на всю мандеязычную группу населения в пределах новой политической общности. Роль же военных отрядов в истории Сегу общеизвестна⁴⁶.

Очевидно, что выделение «бамана» («бамбара») из мандеязычной общности древнего Мали привело к сужению содержания формального этнонима «малинке» («манинка», «мандинги») до «мандеязычные группы бывшей потестарной, а затем и политической общности древнего Мали, не вошедшие в состав общности Сегу».

Примечательно, что разграничение между бамбара и малинке как этнонимами и этносами Л. Бенже возводит к распаду древнего Мали. Природу же этого разграничения он видит в образовании двух не связанных между собой политических общностей на осколках древнего Мали: Бамбара и Малинке⁴⁷.

Не удивительно, что с образованием генетически связанной с Сегу новой политической общности Каарта, основной военной силой которой были отряды, сформированные на той же, что и в Сегу, этнической основе, формальный этноним «бамбара» оказался перенесенным в местной, европейской и научной традициях и на нее. Однако мандеязычные жители Каарта чаще называли себя «масаси», чтобы отличаться от жителей Сегу. Как уже упоминалось, и у европейских путешественников XVIII — начала XIX в. для обозначения населения Каарты чаще встречается этноним «каартанцы», а не «бамбара».

Таким образом, представляется очевидным, что в Западном Судане, начиная не позднее эпохи образования древнего Мали и вплоть до наших дней, в процессе этногенеза активное участие принимали потестарные и политические факторы, игравшие зачастую решающую роль в этническом развитии. Та или иная общность, фигурирующая под некоторым этнонимом и имеющая реальное этническое содержание,

⁴⁵ L. Tauxier. La religion bambara, p. XIX.

⁴⁶ Она хорошо прослеживается, например, на материале исследования истории «империй» бамбара Сегу и Каарта. См.: M. Delafosse. Haut-Sénégal — Niger; Ch. Montteil. Указ. раб.; L. Tauxier. L'histoire des Bambara.

⁴⁷ L. Binger. Du Niger au golfe de Guinée. Paris, 1892, t. 2, p. 372.

нередко оказывается производной от вполне конкретной потестарной или политической общности, «следом» завершения процесса этнической консолидации родственных по основным этническим признакам групп населения.

У современного реального этноса бамбара можно проследить несколько таких «следов», которые надо воспринимать как исторически обусловленные уровни этничности (этнической консолидации): а) общность в пределах второй эпигамной группы (Траоре, Джара Коне и др.), б) «мандинги» («манде») — в пределах древнего Мали; в) «бамана» («бамбара») — в пределах политического объединения Сегу (до выделения Каарта); г) «сегукау» — в пределах политического объединения Сегу (после выделения Каарта); «масасиу» — в пределах политического объединения Каарта.

Помимо этих уровней существуют еще более мелкие территориальные объединения нынешних бамбара, основанные на бывших потестарных и политических общностях более низкого иерархического уровня, в рамках которых не смогла оформиться этническая специфика родственных групп населения: «беледугукау», «кенедугукау», «додугукау» и т. д.

* * *

Попытаемся коротко подвести итоги. Для арабоязычной мусульманской традиции при характеристике населения Западного Судана было свойственно употребление названия «бамбара», не имевшего конкретной этнической интерпретации, а обозначающего немусульман. С политическим возвышением Сегу в середине XVII в. происходит постепенное сужение термина и закрепление его за мандеязычными группами земледельческого населения Сегу. Под влиянием сложения единой политической организации Сегу и на базе значительной общности социальной организации мандеязычные группы Сегу консолидируются. Складывается самоназвание «бамана», которое с середины XIX в. в научной традиции воспринимается как тождественное «бамбара» и обозначающее один и тот же реальный этнос Западного Судана.

THE ETHNIC HISTORY OF THE BAMBARA: LINGUISTIC AND SOCIAL ASPECTS

In studying the social history of peoples having no written language the researcher encounters the problem of a scarcity of sources; particularly limited are those that reflect the temporal depth of social processes. Uncovering the phasic layers in a given synchronic section of the social reality may serve as an aid to getting new information by comparing the data on the history of one or another social unit with the known historical facts for the society as a whole.

Examination of the Bambara clan structures, which in present-day communities are expressed through the «clan name» (*jamu*), and at the same time of the evolution of the ethnonym «Bambara» and comparison with data from medieval Arab chronicles, with records by modern European travelers and with the oral tradition of the region's population have shown that the emergence of the Bambara ethnic community seems to be connected with the political rise of the Segu «empire» in the 17th century. It is about this centre that the eastern Mande-speaking groups became consolidated. From the same period stems the self-designation «Bamana» which, beginning with the mid-19th century scientific tradition, is interpreted as being identical with «Bambara» («pagans» in the Arabic Moslem tradition of West Sudan), both terms designating one and the same actually existing ethnos in West Sudan.